

Немцев Игорь Анатольевич

**УЧАСТИЕ САМОДЕРЖАВНОГО ГОСУДАРСТВА В ПРОЦЕССЕ ФОРМИРОВАНИЯ
ДОРЕВОЛЮЦИОННОГО РОССИЙСКОГО КОНСЕРВАТИЗМА НА ЕГО ЗАВЕРШАЮЩЕЙ СТАДИИ
И ВОЗНИКНОВЕНИЕ СЛАВЯНОФИЛЬСТВА**

Статья раскрывает сущность завершающей стадии процесса формирования дореволюционного российского консерватизма и ее значение для оформления двух направлений российского консерватизма николаевской эпохи. Основное внимание в работе автор акцентирует на тех основных положениях теории "официальной народности", которые были восприняты идеологами славянофильства, давшими им собственное истолкование. Автор показывает, что возникновение славянофильства, как и консерватизма "официальной народности", было обусловлено характером государственной политики времени царствования Николая I и влиянием самодержавного государства на процесс формирования консерватизма в дореволюционной России на завершающем этапе.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2011/5-1/35.html

Источник

**Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и
искусствоведение. Вопросы теории и практики**

Тамбов: Грамота, 2011. № 5 (11): в 4-х ч. Ч. I. С. 137-142. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2011/5-1/

© Издательство "Грамота"

Информацию о том, как опубликовать статью в журнале, можно получить на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

10. **McDermott J.** Martin Frobisher: Elizabethan Privateer. L., 2001.

11. **Williamson J. A.** Hawkins of Plymouth: a New History of Sir John Hawkins and of the Other Members of His Family Prominent in Tudor England. L., 1969.

LEGAL REGULATION OF PRIVATEERS' BUSINESS IN ENGLAND IN THE 70S OF THE XVITH CENTURY

Dmitrii Vladimirovich Mikheev

Department of General History

Russian State Pedagogical University named after A. I. Gertsen

Tankred85@mail.ru

The article reveals the problem of the legal regulation of privateers' business in England in the 70s of the XVIth century. The author pays special attention to the reasons which compelled the English government to toughen control over privateers. Particularly emphasizing the role of the two basic legislative acts approved by the English government in 1572 and 1575 the author focuses his attention at the measures on their realization.

Key words and phrases: privateer; retaliation carter; privateer's patent; sea beggars; Huguenots; proclamation.

УДК 94(470+571)"1825/1840"

Статья раскрывает сущность завершающей стадии процесса формирования дореволюционного российского консерватизма и ее значение для оформления двух направлений российского консерватизма николаевской эпохи. Основное внимание в работе автор акцентирует на тех основных положениях теории «официальной народности», которые были восприняты идеологами славянофильства, давшими им собственное истолкование. Автор показывает, что возникновение славянофильства, как и консерватизма «официальной народности», было обусловлено характером государственной политики времени царствования Николая I и влиянием самодержавного государства на процесс формирования консерватизма в дореволюционной России на завершающем этапе.

Ключевые слова и фразы: консерватизм; самодержавие; государство; славянофильство; народность; идеология; политика; влияние; формирование; стадия.

Игорь Анатольевич Немцев, к.и.н., доцент

Кафедра общей отечественной истории

Пермский государственный университет

nanemtsev@perm.ru

УЧАСТИЕ САМОДЕРЖАВНОГО ГОСУДАРСТВА В ПРОЦЕССЕ ФОРМИРОВАНИЯ ДОРЕВОЛЮЦИОННОГО РОССИЙСКОГО КОНСЕРВАТИЗМА НА ЕГО ЗАВЕРШАЮЩЕЙ СТАДИИ И ВОЗНИКНОВЕНИЕ СЛАВЯНОФИЛЬСТВА[©]

В начале 90-х гг. XX в. в России понятие «консерватизм» использовалось лишь в сугубо отрицательном смысле, служило синонимом всего ретроградного, направленного на противодействие развитию страны. Государственная власть намеревалась проводить реформы как бы с чистого листа, опираясь на западные либеральные стандарты и игнорируя отечественный опыт.

Однако чем дальше, тем в большей степени выявлялась порочность такого подхода к реформированию страны, и это обстоятельство способствовало тому, что уже к середине 90-х гг. XX в. понятие «консерватизм» начало приобретать в России широкую популярность. С этим вынуждены были считаться представители власти, пытавшиеся скорректировать идеологическое обеспечение проводившегося политического курса, при том что сам курс, за исключением восьмимесячного отрезка времени с осени 1998 г. до весны 1999 г., оставался практически неизменным. В 1999 г. партия «Наш дом - Россия» объявила себя консервативной, но произошло это уже после того, как она потеряла свои позиции в структурах власти, и в силу этого данный шаг не помог ей привлечь симпатии избирателей на свою сторону. Вскоре эта партия сошла со сцены.

В XXI в., на новом этапе развития России, властью вновь были предприняты действия, направленные на изменение идеологического обеспечения проводимого политического курса без смены самого этого курса в сколько-нибудь существенной степени. Партия «Единая Россия», созданная с целью обеспечения потребности власти в политической структуре, посредством которой она сможет проводить в жизнь свою политическую линию, в 2009 г. позиционировала себя в качестве консервативной.

В начале второй четверти XIX в. перед самодержавным государством также встала проблема идеологического обеспечения государственной политики. Разумеется, проблемы, стоявшие перед государственной властью в то время, имели существенно иной характер, нежели проблемы, вставшие перед государственной властью в начале 90-х гг. XX в. Основное качественное отличие между этими проблемами было обусловлено

тем обстоятельством, что в начале второй четверти XIX в. необходимость идеологического обеспечения государственной политики была вызвана изменением характера этой политики, а не стремлением прикрыть проводящийся политический курс новой идеологической оболочкой консервативного характера, более приемлемой для большинства населения страны, чем прозападная либерально-монетаристская идеология Е. Т. Гайдара. В начале второй четверти XIX в. самодержавное государство стало участвовать в процессе формирования дореволюционного российского консерватизма, и результатом этого участия стало создание в конце первой трети XIX в. официальной, государственной консервативной идеологии, которую либерал А. Н. Пыпин назвал теорией «официальной народности». Но и возникновение славянофильства, явившееся завершением процесса формирования дореволюционного российского консерватизма, также в значительной степени явилось следствием участия государства в процессе формирования дореволюционного российского консерватизма на завершающей стадии этого процесса.

Уже в пореформенное время, когда началось всестороннее научное исследование славянофильства, исследователи обращали внимание на то обстоятельство, что, несмотря на оппозиционность славянофилов политике Николая I, само возникновение славянофильства в определенной мере было обусловлено изменением политического курса, произошедшим со вступлением Николая I на престол. Так, И. И. Линицкий в труде «Славянофильство и либерализм. Опыт систематического обозрения того и другого», вышедшем в 1882 г., четко отграничив славянофильство от либерализма и противопоставив его последнему, отметил, что славянофилы являются идейными наследниками российских консерваторов предшествующего времени и что своеобразие славянофильского консерватизма в определенной мере явилось отражением духа николаевской эпохи. М. О. Коялович в своей работе «История русского самосознания по историческим памятникам и научным сочинениям», изданной в первый раз в 1884 г. и затем неоднократно переиздававшейся, отметил, что уже в идеологии консерватизма «официальной народности», в частности, в исторических трудах М. П. Погодина можно найти начатки славянофильской доктрины. Г. В. Плеханов, обратив внимание на идеологическое родство славянофильского учения с теорией «официальной народности», в статье «М. П. Погодин и борьба классов», опубликованной, в частности, в 1923 г. в труде «Очерки по истории русской общественной мысли XIX века», подчеркнул, что возникновение обоих этих направлений дореволюционного российского консерватизма было порождено историческими условиями времени царствования Николая I. При этом он игнорировал различия между данными направлениями дореволюционного российского консерватизма, отождествив их без наличия достаточных на то оснований.

Плехановская концепция славянофильства получила достаточно широкое распространение, являясь господствующей в советской историографии в течение длительного времени. Так, А. Г. Дементьев в «Очерках по истории русской журналистики 1840-1850 гг.», изданных в 1951 г., почти дословно повторил выводы Г. В. Плеханова. Но по мере того как гипертрофированный классовый подход уходил в прошлое, исследователи перестали игнорировать различия между славянофильством и консерватизмом «официальной народности». В условиях того времени это привело к утверждению в 70-80-х гг. XX в. либеральной трактовки славянофильства. Наиболее законченное выражение она получила в изданной в 1986 г. работе Н. И. Цимбаева «Славянофильство: из истории русской общественно-политической мысли XIX века». Но, будучи добросовестным исследователем, Н. И. Цимбаев вынужден был, в противоречие со своей концепцией, указать, применительно к одному из виднейших представителей славянофильства К. С. Аксакову, что «глубокая консервативность высказываний К. Аксакова, их идейная близость к теории “официальной народности” очевидны» [8, с. 162]. Отметил Н. И. Цимбаев и то обстоятельство, что формирование славянофильства, проходя в идейной атмосфере, обусловленной характером политического курса Николая I, не могло не носить отпечатка идеологии, которая была разработана с целью обоснования его политического курса, и специфика славянофильства в числе прочих обстоятельств была обусловлена и этим. Впрочем, и в 80-х гг. XX в. были исследователи, указывавшие на консервативный характер славянофильства, не отождествляя его при этом с консерватизмом «официальной народности». В частности, Ю. З. Янковский в работе «Патриархально-дворянская утопия: страница русской общественно-литературной мысли 1840-1850 годов», изданной в 1981 г., охарактеризовал славянофильство как консервативную утопию, возникновение которой в значительной мере было порождено политической ситуацией, сложившейся во времена царствования Николая I. Он указал, что в 40-50-х гг. XIX в. разница между славянофилами и сторонниками «официальной народности» выглядела малосущественной, а то и вовсе сглаживалась.

В начале XXI в. А. Н. Боханов, осуществляя научное исследование самодержавной власти в России, отметил, что при Николае I закончился период истории самодержавной государственности, начало которому положили преобразования Петра I, и начался новый, ознаменовавшийся в определенной степени обращением к тем исконным историческим началам, на которых базировалась самодержавная власть в допетровской России, что не сопровождалось, впрочем, полным отказом от петровского наследия в деле государственного строительства. Более того, при Николае I были закреплены некоторые важные результаты деятельности Петра I в сфере государственного строительства, в том числе и имевшие негативное значение для дальнейшего развития страны. Тем не менее, начало нового периода истории самодержавной государственности означало и изменения в идеологической сфере, что привело к возникновению теории «официальной народности», а затем и славянофильского учения. А. Н. Боханов констатировал, что «уваровские трактовки Православия и Самодержавия в своем отвлеченном выражении очень близки славянофильским» [2, с. 65]. Эта близость, будучи проявлением духовного родства уваровской и славянофильской доктрин, проистекала из того обстоятельства, что и

«официальная народность», и славянофильство как направления консервативной мысли России были порождены тем политическим курсом, который самодержавное государство взяло со вступлением на престол Николая I.

Вступление на престол Николая I подвело черту под периодом истории России, начало которому положили преобразования Петра I. По мнению М. П. Погодина, одного из основоположников консерватизма «официальной народности», «период Русской Истории от Петра Великого до кончины Александра (Александра I - *И. Н.*) должно назвать периодом Европейским» [7, с. 359]. Этот период российской истории характеризуется той проводившейся государственной властью политикой, которую представляется правомерным определить как политику самодержавной европеизации России. Преследовавшая цель укрепить самодержавную государственность посредством заимствования образцов государственного строительства из абсолютистских монархий Западной Европы, прежде всего, из Пруссии, эта политика, внешне укрепив самодержавную государственность, подорвала ее фундамент, которым являлась российская традиция. Прошло немногим более века со дня смерти основоположника этой политики Петра I, и изъяны этой политики обозначились достаточно отчетливо, ибо на пути европеизации самодержавию лишь временно удалось укрепить свои позиции, да и укрепление это, как уже отмечено, носило чисто внешний характер. Поскольку политика самодержавной европеизации России подрывала те традиционные устои страны, на которых основывается российская цивилизация, постольку она, внешне укрепляя самодержавную власть, подтачивала ее фундамент, ибо именно традиции составляют фундамент, лежащий в основании монархической власти в любой стране. В результате политики самодержавной европеизации России российское дворянство, в состав которого были введены и представители боярских фамилий, поскольку Петр I упразднил боярство как сословие, совершило духовный отрыв от российской почвы и начало ориентироваться на западноевропейские духовные ценности. В наибольшей степени этот процесс затронул так называемую придворную аристократию, которая полностью перешла на западноевропейские стандарты в одежде, манерах, привычках, языке, разучившись говорить и даже думать по-русски, но и среднепоместное, и мелкопоместное дворянство было в значительной степени затронуто этим процессом. Именно из среды вестернизированных дворян вышли люди, воспринявшие из Западной Европы просветительские, в том числе революционные идеи, духовно пропитавшиеся этими идеями. Таким образом, именно благодаря политике самодержавной европеизации России была возвращена когорта революционеров - выходцев из среды европеизированных дворян, которая и предприняла 14 декабря 1825 г. вооруженное выступление против самодержавной власти, имевшее немалые шансы на успех и захват власти в Петербурге. Правда, даже первоначальный успех, который был весьма вероятен, не состоявшийся как из-за нерешительности декабристов и их нежелания опереться на содействие сочувствовавшего им населения Петербурга, так и из-за некоторых неблагоприятных для них непредвиденных обстоятельств, не гарантировал конечной победы участников выступления. Но угроза для самодержавной государственности была очень серьезной. Вследствие этого обстоятельства, «разгром декабристов косвенно ослабил позиции европеизма в России» [9, с. 290]. Поэтому события 14 декабря 1825 г. ознаменовали начало нового этапа российской истории.

Для укрепления основ самодержавного строя, которые были серьезно поколеблены политикой самодержавной европеизации России, проводившейся в XVIII - первой четверти XIX вв., вступивший на престол Николай I должен был обратиться к российской традиции, которая, правда, за период царствований от Петра I до Александра I была серьезно деформирована, что особенно отчетливо отразилось на внешних слоях традиции. Обращение к собственной традиции было насущной необходимостью, ибо западноевропейское влияние, явившееся результатом политики самодержавной европеизации России, привело к проникновению в страну либеральных и революционных идей, поставивших под угрозу самодержавную государственность. При Николае I самодержавие, для того чтобы укрепить свои пошатнувшиеся устои, должно было стать на национальную почву. Но ввиду того что сам Николай I сформировался как личность под влиянием воспитания, которое носило западноевропейский характер, а также потому, что деформированная в результате политики самодержавной европеизации страны российская традиция едва успела приобрести устойчивость в своем новом облики, политика самодержавия в данном направлении не могла быть вполне последовательной. Обращение Николая I к русским историческим началам было обусловлено не неприятием европеизма как такового, а стремлением поставить заслон на пути проникновения либеральных и революционных идей, родиной которых являлась Западная Европа. Прекратив проводить политику самодержавной европеизации России, Николай I закрепил ряд важных результатов этой политики.

Учитывая данное обстоятельство, русификация абсолютистского режима при Николае I не привела к наполнению тех форм, в которых тогда существовал российский государственный строй, подлинно национальным содержанием. О трансформации абсолютизма в святоотеческое самодержавие образца XVII в., приспособленное к условиям XIX в., с земским самоуправлением на местах, не было и речи. Следует отметить, что «при Николае I верховная власть окончательно реализовала те главные формы имперского державоустройства, которые были предначертаны в первой четверти XVIII в. Николай I как бы довершил “Петра творенье”, добавив к первоначальному замыслу и свои штрихи. Огромное государство-империя, строго иерархически ранжированное и авторитарно-вертикально структурированное» [2, с. 267], созданное Петром I, приобрело при его праправнуке Николае I ту завершенную форму, которая диктовалась внутренней логикой развития петровского чиновничье-бюрократического абсолютизма по прусскому образцу.

Выступление декабристов 14 декабря 1825 г. против самодержавной власти и его разгром имели следствием ослабление дворянства как сословия в отношениях с самодержавием, ибо, хотя подавляющее большинство дворянского сословия поддерживало самодержавие, первое вооруженное выступление, направленное

не против конкретного самодержца, а против самодержавного государственного строя как такового, исходило из рядов дворянского сословия. Это бросало тень на дворянство как сословие в целом. Данное обстоятельство позволило Николаю I ликвидировать всевластие дворянства, которое в послепетровское время в значительной мере связывало самодержавную власть, юридически не ограниченную, но вынужденную сообразовывать свои действия во всех сколько-нибудь значимых вопросах с пожеланиями первого сословия государства. Сохранив свои социальные позиции, дворянство лишилось непосредственного политического влияния на проводившийся государством курс. Не вполне доверяя дворянству и не желая привлекать представителей общества для оказания самодержавному государству содействия в деле государственного управления, Николай I стремился создать самодержавию новую социальную опору, которой могла являться только бюрократия, организованная по-новому и поставленная в автономное положение по отношению к дворянству, составившая сплоченную корпорацию управленцев. В царствование Николая I именно бюрократия, а не дворянство начинает играть главную роль в жизни страны, и «помещики отступают под напором служилого чиновничества, никогда никакой земельной собственностью не владевшего» [9, с. 291].

Таким образом, отношение Николая I к Западной Европе, как уже было отмечено, определялось тем обстоятельством, что именно оттуда проникли в Россию либеральные и революционные идеи, которые были восприняты отдельными представителями дворянского сословия. Поэтому «на смену желанию не отставать от Европы, проявлявшемуся у Александра I, пришло стремление отгородиться от “гниющего Запада”» [Там же, с. 289-290]. Если в XVIII в. и в первой четверти XIX в. официальная идеология базировалась на утверждении, гласившем, что Россия идет по тому же пути, по которому идут и страны Западной Европы, но несколько отстала от них, то при Николае I утверждается концепция особого пути России, принципиально отличного от исторического пути стран Запада, восходящего к самим истокам российской и западной цивилизаций. Данная концепция легла в основу официальной, государственной консервативной идеологии, которая была разработана в конце первой трети XIX в. для обоснования того политического курса, который взяло самодержавное государство при Николае I. Повороту в сторону отечественного консерватизма и выработки собственной консервативной идеологии самодержавное государство толкало стремление вернуться на национальную почву, обусловленное, как уже было отмечено, желанием отгородиться от проникавших в нее с Запада либеральных и революционных идей.

Таким образом, на завершающем этапе формирования дореволюционного российского консерватизма самодержавное государство приняло непосредственное участие в этом процессе. Политика Николая I была направлена на чисто административное охранение существовавшего порядка, и это обстоятельство в значительной мере определило характер разработанной в его царствование официальной консервативной идеологии, названной А. Н. Пыпиным теорией «официальной народности». Народность в качестве завершающего элемента триады, сформулированной министром народного просвещения С. С. Уваровым, будучи истолкованной по-бюрократически и лишенной глубинной основы, как, впрочем, и православие, абстрагированное от его мистической традиции, живой души, которое было формально поставлено на первое место, были призваны служить обоснованию самодержавия, рассматривавшегося как альфа и омега, основа основ российской цивилизации.

Триада, в разработке которой участвовал ряд видных деятелей николаевского царствования и которая была сформулирована в своем окончательном виде графом С. С. Уваровым как «православие, самодержавие, народность», была воспринята и сформировавшимся на рубеже 30-40-х гг. XIX в. славянофильским направлением российского консерватизма, хотя славянофилы и истолковали ее иначе, нежели идеологи консерватизма «официальной народности». К возникновению обоих этих направлений российского консерватизма привели тенденции, которые определяли характер развития российского консерватизма дореволюционной эпохи на стадии его становления. Именно оформление славянофильства явилось завершением процесса формирования дореволюционного российского консерватизма, став его закономерным итогом. Появление славянофильства было обусловлено спецификой исторического пути развития России, будучи прямым следствием развития российской консервативной мысли в предшествующее время. В славянофильстве наиболее законченное воплощение получила та антиевропеизаторская, антипетровская направленность, которая была характерна для российского консерватизма на стадии его зарождения. Возникновение славянофильства, безусловно, явилось реакцией на формирование и утверждение в качестве государственной идеологии консерватизма «официальной народности», основывавшегося на деформированной Петром I российской традиции, причем, преимущественно на тех ее элементах, которые можно назвать внешними, поскольку они представляют собой своего рода форму, в которую «отливается» традиция. Тогда как славянофилы опирались на глубинную подоснову российской традиции, ее онтологическое ядро, выраженное в фундаментальных религиозных символах и традиционных духовно-нравственных установках.

Но славянофильский консерватизм не только явился оппонентом консерватизма «официальной народности», но и в определенном смысле продолжил ту линию развития дореволюционного российского консерватизма, которая привела к возникновению консерватизма «официальной народности». Появление славянофильства, как и возникновение консерватизма «официальной народности», стало следствием изменения политического курса самодержавного государства при Николае I. Являясь оппонентом консерватизма «официальной народности», славянофильский консерватизм воспринял от идеологов «официальной народности» триединую формулу «православие, самодержавие, народность», хотя и дал ей свою интерпретацию, а также ряд других важных положений. Оба направления российского консерватизма времен царствования Николая I обращались к российской традиции, но при этом делали упор на различные ее элементы, будучи едиными в том, что именно

православие, самодержавие и народность - это те основные начала, которые лежат в фундаменте российской цивилизации. Славянофилы защищали самодержавие от нападков его противников и идеологически обосновывали необходимость самодержавия для России, хотя и делали это иначе, чем консерваторы направления «официальной народности», поскольку «в политике они искали опоры в традиционных институтах - общине, земских соборах, самодержавии» [Там же, с. 298]. При всей оппозиционности петербургскому чиновничье-бюрократическому абсолютизму, в облики которого существовал в то время самодержавный строй, славянофилы именно с самодержавием связывали свои надежды на устранение последствий политики самодержавной европеизации России и возвращение нашей страны на свой исконный, самобытный исторический путь развития, прерванный Петром I. Отмечая направленность славянофильства на защиту традиционных ценностей и институтов от критики либералами и революционерами, основоположник консерватизма «официальной народности» граф С. С. Уваров «хвалил царю Хомякова с Киреевским за их религиозный дух» [3, с. 125].

Славянофильство продолжило линию консерватизма «официальной народности» также в том, что и то, и другое направление российского консерватизма времен царствования Николая I рассматривали весь народ в качестве опоры самодержавной власти, и в этом состояло их принципиальное отличие от предшествующих российских консерваторов. Действительно, «принципиальное отличие уваровских взглядов от взглядов Карамзина состояло в том, что, по Уварову, весь народ, а не только дворянство (как у Карамзина), рассматривался в качестве опоры существовавшей системы власти» [6, с. 34], и это обстоятельство явилось следствием вооруженного выступления декабристов против самодержавия, поставившего под вопрос надежность дворянства как опоры самодержавной власти. Различие состояло в том, что славянофилы рассматривали народ, объединенный в общины и составляющий землю, как силу, взаимодействующую с самодержавным государством, состоящую с ним в диалоге, а не ведомую этим государством, как у консерваторов направления «официальной народности». Кроме того, славянофилы рассматривали простой народ как самую надежную опору самодержавия, противопоставляя его оторванному от российской почвы вследствие петровской европеизации дворянству, проникшемуся чуждыми русскому духу западными началами. И все же, несмотря на различия, самым фактом отношения к народу как к опоре самодержавной власти славянофилы выступили в определенной степени как последователи консерватизма «официальной народности».

Восприняв положение о том, что весь народ является опорой самодержавной власти, славянофилы неизбежно должны были воспринять и историческое обоснование происхождения самодержавной власти в результате ее добровольного призвания русским народом в 862 г., разработанное видным историком, одним из идеологов консерватизма «официальной народности» М. П. Погодиным, который «раскрывал завоевательное начало западноевропейских государств, внесшее разлад и борьбу между властью и народом. Славянофилы сороковых годов, особенно К. С. Аксаков, много занимавшийся русской историей, развивали далее это положение» [5, с. 308]. Поскольку «Западные Европейские государства обязаны происхождением своим завоеванию, которое определило и всю последующую их историю» [7, с. 57], исторический путь стран Западной Европы характеризовался межсословной борьбой, закономерно приведшей к революциям, в которых потомки побежденного народа выступали против господства аристократии, состоявшей из потомков народа-победителя. В противоположность западным, «наше Государство началось не вследствие завоевания, а вследствие призвания» [Там же, с. 62] самодержавной власти русским народом, поэтому «у нас не было ни победы, ни покорения» [Там же, с. 68], и государь на Руси всегда был для народа «желанным защитником» [Там же, с. 64] от внутренних притеснителей, разбойников и внешних врагов. Аналогично М. П. Погодину славянофил К. С. Аксаков, разрабатывая свою историософскую концепцию, утверждал: «Власть явилась у нас желанною, не враждебною, но защитною, и утвердилась с согласия народного. На Западе власть явилась как грубая сила, одолела и утвердилась без воли и убеждения покоренного народа. В России народ осознал и понял необходимость государственной власти на земле, и власть явилась как званный гость по воле и убеждению народа. Таким образом, рабское чувство покоренного легло в основание Западного государства; свободное чувство разумно и добровольно призвавшего власть легло в основание государства Русского. Итак, в основании государства Западного - насилие, рабство и вражда. В основании государства Русского - добровольность, свобода и мир. Эти начала составляют важное и решительное различие между Русью и Западной Европой и определяют историю и той, и другой» [1, с. 8]. Различия между историософскими концепциями М. П. Погодина и К. С. Аксакова были обусловлены, прежде всего, как отношением к основополагающим началам русского бытия в целом и к самодержавному государству в частности, так и различной оценкой деятельности Петра I. Если идеологи консерватизма «официальной народности» считали Петра I самым выдающимся российским самодержцем, возвеличившим Россию, утвердившим ее статус как великой державы и самобытной цивилизации, воспринявшим от Запада ряд важных достижений как в научно-технической, так и в культурно-бытовой сферах, то, по мнению славянофилов, при Петре I самодержавная власть изменила своему предназначению, сделав «первый существенный шаг в сторону изменения традиционной ценностной иерархии русского культурного типа» [4, с. 85]. Тем не менее, при всем различии подходов сторонников консерватизма «официальной народности» и славянофилов к основным началам российской цивилизации и к самодержавной государственности основа идеологических построений славянофилов включала ряд важных положений, воспринятых от консерватизма «официальной народности», которые были обусловлены потребностями самодержавного государства в идеологическом обосновании взятого Николаем I нового политического курса.

Таким образом, самодержавное государство при Николае I оказало значительное влияние на ход процесса формирования дореволюционного российского консерватизма на завершающем этапе этого процесса, обусловив не только характер консерватизма «официальной народности», но в значительной степени и славянофильского консерватизма. Славянофильство сформировалось на рубеже 30-40-х гг. XIX в. под воздействием консерватизма «официальной народности», хотя и в противоборстве с ним, закономерно продолжив магистральную линию развития дореволюционного российского консерватизма и увенчав собой процесс его формирования.

Список литературы

1. Аксаков К. С. Сочинения исторические. М., 1861.
2. Боханов А. Н. Самодержавие: идея царской власти. М., 2002.
3. Виттекер Ц. Х. Граф С. С. Уваров и его время. СПб., 1999.
4. Гусев В. А. Русский консерватизм: основные направления и этапы развития: монография. Тверь, 2001.
5. Коялович М. О. История русского самосознания по историческим памятникам и научным сочинениям. Изд. 4-е. Минск, 1997.
6. Лукьянов М. Н. Российский консерватизм в конце XVIII - начале XX века. Пермь, 2007.
7. Погодин М. П. Историко-критические отрывки. М., 1846.
8. Цимбаев Н. И. Славянофильство: из истории русской общественно-политической мысли XIX века. М., 1986.
9. Черкасов П. П., Чернышевский Д. В. История императорской России: от Петра Великого до Николая II. М., 1994.

**AUTOCRATIC STATE PARTICIPATION IN THE PROCESS OF THE FORMATION
OF PRE-REVOLUTIONARY RUSSIAN CONSERVATISM AT ITS FINAL STAGE AND SLAVOPHILISM ORIGIN**

Igor' Anatol'evich Nemtsev, Ph. D. in History, Associate Professor
Department of General Native History
Perm' State University
nanemtsev@perm.ru

The article reveals the essence of the final stage of the process of the formation of pre-revolutionary Russian conservatism and its importance for the origin of two directions of Russian conservatism of Nikolai epoch. The author pays special attention to those basic ideas of the theory of "official folk origins" which were apprehended by Slavophilism ideologists who gave their own interpretation to them. The author shows that Slavophilism origin as well as that of the conservatism of "official folk origins" was caused by the character of state policy in the reign of Nikolai I and the influence of autocratic state on the process of the formation of conservatism in pre-revolutionary Russia at final stage.

Key words and phrases: conservatism; autocracy; state; Slavophilism; folk origins; ideology; policy; influence; formation; stage.

УДК 93/94

В статье идёт речь о Егоре Дмитриевиче Николаеве (1858-1888 гг.) как об общественно-политическом деятеле Якутии второй половины XIX века. Статья представляет собой историографический обзор.

Ключевые слова и фразы: экономическое и социальное благосостояние; пореформенный период; прединтеллигенция; формирование национальной интеллигенции; центр; периферия; региональная история; модернизация экономики; интеллигентоведение; совокупность «индивидуальных историй»; политические ссыльные; формирование мировоззрения; введение самоуправления.

Айсенз Сергеевна Николаева

Исторический факультет

Северо-Восточный федеральный университет им. М. К. Амосова

aisenens@mail.ru

**ОЦЕНКА РОЛИ Е. Д. НИКОЛАЕВА (1858-1888 ГГ.)
КАК ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОГО ДЕЯТЕЛЯ, ПРОСВЕТИТЕЛЯ ЯКУТИИ
ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА: ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ ОБЗОР®**

В современной исторической науке продолжается объективное изучение процессов и явлений, которые в советской историографии в силу идеологических ограничений оставались вне исследовательского поля. Ныне меняется отношение к деятельности лиц, которые ранее из-за своего социального происхождения не могли рассматриваться как передовые представители своего народа. К таким представителям относится Егор Дмитриевич Николаев, деятельность которого представляет собой одну из ярких страниц истории Якутии второй половины XIX века.